

УДК 811.161.1'367
ББК 81.411.2–22

Татьяна Николаевна Плешкова,
доктор филологических наук, доцент,
Северный (Арктический) федеральный университет
им. М. В. Ломоносова (Архангельск, Россия),
e-mail: tnpleshkova@mail.ru

Процессы интерференции диалекта и литературного языка

В статье показаны некоторые частные результаты многолетнего исследования в рамках проблемы языковой ситуации, проведённого автором на территории Архангельского Севера. С позиций социолингвистики раскрываются актуальные проблемы внутриязыковой интерференции, которая возникает при взаимодействии литературного языка и диалекта в речи коренного населения на обширной территории исторического распространения северно-русских народных говоров. Трансформированные под влиянием известных факторов, народные говоры продолжают существовать в изменённом виде, особенно это проявляется в речи носителей языка старшей возрастной группы. Явления разных уровней диалектной системы под влиянием окружающей речевой среды сохраняют функциональную активность и довольно частотны в речи носителей языка разных возрастных и социальных групп из числа коренного населения Архангельского Севера, высказывания которых содержат литературные и одновременно диалектные единицы, что свидетельствует о процессах внутриязыковой интерференции. Материалы статьи могут быть использованы при изучении языковых ситуаций других регионов Российской Федерации, что чрезвычайно важно для создания общей картины бытования русского языка в современных условиях.

Ключевые слова: интерференция, литературный язык, диалект, речевой континуум, носитель языка.

Tatiana Nikolayevna Pleshkova,
Doctor of Philology, Associate Professor,
Northern (Arctic) Federal University
named after M. V. Lomonosov (Arkhangelsk, Russia)
e-mail: tnpleshkova@mail.ru

The Interference and Literary Language

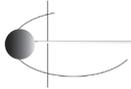
Some private results of long-term research within the limits of the problem of the language situation, carried out by the author on the territory of the Arkhangelsk North are shown in the article. According to sociolinguistics positions significant problems of intralinguistic interference which arises from literary language and dialect interaction in indigenous population speech in extensive territory of historical distribution of northern-Russian national dialects are revealed. National dialects transformed under the influence of known factors continue to exist in the changed form, and especially it is shown in speech of native speakers of the senior age group. The phenomena of different levels of a dialect system under the influence of the surrounding speech environment keep functional activity and are frequent enough in speech of native speakers of different age and social groups from among indigenous population of the Arkhangelsk North whose statements contain literary and simultaneously dialect units that testifies to processes of intraspeech interference. The article materials can be used in studying language situations of other regions of the Russian Federation that is extremely important for creation of an overall picture of the existence of Russian in modern conditions.

Keywords: interference, literary language, dialect, speech continuum, native speaker.

Результаты макроисследования языковой ситуации территории Архангельского Севера, заповедной и значительно удалённой от административных центров Российской Федерации, приведённые в статье, на наш взгляд, представляют интерес для социолингвистов. Актуальность социолингвистической пробле-

мы не вызывает сомнения, так как до настоящего времени в науке нет полного и реального представления о функционировании русского языка на всех территориях России.

Цель статьи – показать процессы взаимодействия литературных речевых реализаций и трансформированного временем диалект-

ного идиома, который, как показало наше исследование, и сегодня сохраняет функциональную активность в речи коренного населения не только архангельской провинции, но и небольших городов области, а также областного центра.

При исследовании использовались такие методы, как метод анкетирования, скрытого наблюдения, включённого наблюдения, интервьюирования.

Функциональная активность трансформированных временем диалектов на Архангельском Севере, сохраняющаяся несмотря на неблагоприятные прогнозы, заставляет обратиться к процессам, которые происходят в речевой среде архангельской провинции.

Исходной точкой анализа социально-языковых процессов является место и положение престижной литературной, интегрирующей, наддиалектной подсистемы как высшей формы существования национального языка. Однако при определении безусловно важнейшего места литературного языка в современных коммуникативных системах нельзя обойти вниманием проблему его противопоставленности с точки зрения разнородных оппозиционных признаков такой форме социально-коммуникативной системы, как территориальный диалект.

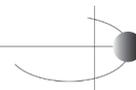
Местные диалекты противопоставляются литературному языку по таким основным различительным признакам, как их функционально-территориальная ограниченность, наличие совокупных дифференциальных признаков, социальная характеристика носителей диалектной формы русского языка. Особенности языковых ситуаций исконных территорий России, как правило, определяются спецификой диалектного идиома.

Социолингвистов интересуют особенности трансформационных процессов, затрагивающих структуру диалекта, вызывающих естественные изменения в диалектной системе, а также зависимость диалектных речевых реализаций от стратификационных социолингвистических переменных.

Языковая система диалекта изменяется под влиянием времени и приобретает иные функциональные формы именно в ходе взаимодействия с системой литературного языка. В данном случае, на наш взгляд, уместно говорить о процессе интерференции, но не в традиционном её понимании, а проявляющей себя во внутриязыковой форме, так как диалект является структурированной подсистемой языка. Интерференция при взаимо-

действии литературного языка и диалектного языка (термин Р. И. Аванесова), как показали результаты наших исследований языковой ситуации Архангельского Севера, затрагивает все уровни языковой системы. Постоянное взаимодействие с литературным языком, междиалектное взаимодействие приводят к изменению характеристик диалекта, к возникновению новых промежуточных форм от традиционного диалекта до городского просторечия. Нами выделены такие формы в зависимости от степени интерференционных процессов и степени воздействия литературного языка на речь носителей языка, как *традиционный диалект, полудиалект, диалектное просторечие (просторечие провинции, северного села), городское просторечие*. Функциональное поле промежуточных форм не сопоставимо со сферами, обслуживаемыми литературным языком, и ограничивается чаще всего внутрисемейной и дружественной речевой коммуникацией, неофициальными речевыми ситуациями, в которых диалектизмы, активно проникающие в речь в условиях провинциального лингвистического пространства, как показывают наши исследования, востребованы в социуме коренных северян. Литературные языковые средства по отношению к явлениям народного языка занимают маргинальное положение. Однако факты использования диалектизмов в пределах коммуникативных сфер литературного языка не создают положения конкуренции между указанными идиомами, неравноценность которых невозможно поставить под сомнение.

Архангельская область занимает огромную территорию площадью 308 100 кв. км (без учёта площади островов Северного Ледовитого океана) на северо-западе европейской части России. Население территории Архангельского Севера однородно. «При наличии носителей языка тридцати национальностей 92,7 % состава населения представлено русскими» (Социально-экономическое положение... 2001), что активно способствует взаимодействию между диалектной и литературной языковыми подсистемами и сохранению в активном использовании в процессе коммуникации диалектных речевых реализаций. «К основным характерологическим чертам носителя интерферированной диалектной речи можно отнести его проживание на локальной территории, нередко характеризующейся в условиях Архангельского Севера удалённостью от культурных и экономических центров области, Архангельска и Северодвинска,

при учёте того, что областной центр, в свою очередь, значительно удалён от крупнейших культурных центров России, Москвы (на 1200 км по железной дороге) и Санкт-Петербурга (1750 км по железной дороге), а также в некоторых случаях изолированностью от путей сообщения (железнодорожных и автомобильных магистралей)» [1, с. 211–221].

Занятость традиционными видами хозяйственной деятельности (огородничество, рыболовство, сбор грибов и ягод, охота) также является существенным параметром характеристики носителей языка из числа коренного населения Архангельской области. Немаловажна также такая черта характеристики, как определённое противопоставление коренными жителями архангельской провинции своего сообщества городской среде, а также владение функциональными диалектными формами и социальный статус коренного жителя архангельской провинции.

Языковые условия диалектной среды подобны условиям двуязычия. Языковая среда коренных северян представляет собой континуум, на одном полюсе которого находятся диалекты, близкие к традиционным (их носители – пожилые люди в возрасте от 60 и выше лет), на другом – диалекты, подвергшиеся наиболее сильному интерференционному воздействию в результате контактов с русским литературным языком.

В речи коренных северян присутствуют диалектные языковые факты всех уровней языковой системы. Нередко носители языка не оценивают свою речь как не соответствующую нормам литературного языка, если не сталкиваются с затруднением коммуникации, что, как правило, не является характерным для локального социума. Так, наречие *сейгод*, употребляемое в значении *в этом году* и имеющее древнее происхождение, настолько привычно и настолько частотно в употреблении, что многие носители языка его воспринимают как нормативное не только в провинции, но и в областном центре. Приведём пример из речи тележурналиста одной из архангельских телекомпаний:

Сейгод северная погода преподнесла Архангельску сюрприз – майские метели (Архангельск, пол мужской, образование высшее, 32 года. Далее – м., в/о).

В ходе восьми социолингвистических экспедиций в Каргопольский, Няндомский, Устьянский, Пинежский районы Архангельской области, а также в условиях пребывания в Вельском, Котласском, Онежском,

Коношском, Плесецком, Виноградовском районах нами выявлены факты всех уровней языковой системы архангельских говоров, присутствующие в высказываниях носителей языка из числа коренного населения области. Речь исследовалась с применением таких методов, как включённое наблюдение, интервьюирование, скрытое наблюдение с учётом социальных стратификационных показателей: пола, возраста, образования, места проживания информантов.

Приведём наиболее яркие из диалектных черт, выявленных в высказываниях информантов (учитывались диалектные речевые единицы, отмеченные в речи не менее 30 информантов).

Среди фонетических черт в области ударных гласных обнаруживает себя дифтонг [иѐ] на месте древнего «ять»: *виетер, здиесь, сиено*:

Мне и здиесь не худо живётся (Ступино, Няндомского района, ж., 47 лет). *Далее приводим название районов с сокращениями их названий*.

Дак виетер гонит лодку-то (Онега, м., нпс/о, 34 г.).

Присутствует в речи переход *е* в *о* перед мягкими согласными, перед исконно мягкими шипящими, перед поздно отвердевшими согласными в словах *лѐщ, дѐржим, чѐшет* на месте нормативных *лещ, чешет, держим*:

Кошка спину чѐшет (Вельск; м., в/о, 40 лет).

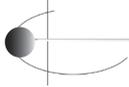
Дак лѐщи тут водятся, ловятся хорошо (Шалакуша, Нянд., м., с. сс/о, 33 года).

Нет, не дѐржим животных, мы на отдыхе (Ступино Нянд., о/с, 50 лет).

В области безударных гласных наиболее ярко проявляет себя свойственное традиционным северным говорам *оканье*, различение в безударных слогах в абсолютном начале слова и после твёрдых согласных звуков [о] и [а] как один из типов безударного вокализма русских говоров, противопоставленный *аканью*. Эта отличительная черта присутствует в устной речи почти каждого коренного северянина, включая горожан, в речи которых, однако, она при стремлении к нормативному произношению приобретает звучание, близкое к [э] (по характеристике Р. И. Аванесова – «стыдливое аканье»):

Мост сорвало, большая вода дак (Шалакуша Нянд., м., шк., 14 лет).

Говорила, чтоб не ходил, дак не послушал маму (Березник Устьянского, ж., в/о, 23 года).

Выявлено также произношение **о** на месте безударного **а** во всех возрастных группах носителей языка.

Трову и листья покрыл первый снег. (Урдома Котласск., ж., шк., 11 лет).

Идёте, как стадо боранов (Каргополь, ж., нпс/о, 22 лет)

Из стокана-то пей (Воезеро Няндомского района, ж., с/о, 37 лет).

Произношение **о** на месте е исконного в заударном неконечном слоге перед твёрдыми согласными встречается в высказываниях носителей языка всех возрастных групп, кроме школьников 10–14 лет.

У нас озёро Ильинское рядом (Лужная Нянд., м., шк., 13 лет).

Одежду вынёсу да высушу на солнышке (Пасьва Вельск., ж., с/о, 49 лет).

В области согласных звуков в речи пожилых носителей языка сохраняется довольно редкое сегодня фонетическое явление – цоканье (совпадение аффрикат **ц** и **ч** в одном звуке **ц**) и чоканье (совпадение аффрикат **ч** и **ц** в одном звуке **ч**, которые отмечены в речи носителей языка 40–60 лет, жителей изолированных территорий, таких как Никольское Вилегодского района, Лёкшмозеро Каргопольского района и Воезеро Няндомского района (*цяй* вместо литературного *чай*, *туця* вм. лит. *туца*, *улиця* вместо лит. *улица*):

Туця набежала, задожжыт, быват (Березник Устьянск., ж., с/о, 78 лет).

Купи-ко мне цяю и хлебаця (Ровдино Шенкур., с/о, ж., 77 лет).

Для речи носителей языка, коренных жителей Ленского, Мезенского, Мезенского, Верхнетоемского районов, характерно свойственное традиционным севернорусским говорам произношение на месте буквы **щ** долгого твёрдого [ш] (*шшука* вм. *щука*, *ишшу* вм. *ищщу*, *ешшо* вм. лит. *ещё*, *шшока* вм. лит. *щeka*).

Шшуку одну поймал, да и та небольшая (Сафоново Мезенск., м., с/о, 45 лет).

В области морфологии также обнаруживается немало диалектных явлений, проникающих в речь коренных северян. Это, например, морфологические формы им. суц со значением лица 2-го типа склонения мужского рода с суффиксами *-ишк*, *-ушк*, имеющие в им. падеже окончание *-о* (мальчишко, дедушко). Степень употребительности и распространённости этих форм весьма высока.

Я дак на рыбалку с дедушком ежду в озёро (Морщихинская Карг., м., шк., 11 лет).

Будет пока с бабушкой да с дедушком (Каргополь, ж., с/о, 30 лет).

У неё в семье двое детей, есть мальчишко и девочка (Ступино Нянд., ж., н/о, 78 лет).

Дедушко давно у вас не бывает? (Шалакуша Нянд., м., с/о, 62 года).

В области прилагательного примером могут служить стяжённые формы ж. р. ед. ч. им. и вин. падежей, обусловленные выпадением согласного [й'] в интервокальном положении, которые отмечены во всех обследованных возрастных группах, однако наиболее частотны в 2-х старших.

Машина хорошаа, у папы такая же (Андреевская Нянд., м., шк., 12 лет).

Чужаа всегда лучше (Федосеевская Нянд., ж., с/о, 75 лет).

Уникальными представляются формы сравнительной степени прилагательных на *-а*, *-ае*, *-ая*, отмеченные в речи носителей языка старшей возрастной группы (*добряе вместо лит. добрее*, *веселяе вм. лит. веселяе*):

Добряя надо быть к внукам (Подрезовская Карг., м., с/о, 67 лет).

Существенные отличия в составе и значениях местоимений архангельских говоров также нашли отражение в речи коренного населения Архангельского Севера. Следует отметить архаичные формы личных местоимений в Р. и В. падежах в речи носителей языка всех обследованных возрастных групп (*мене, тебе, собе* вм. лит. *мне, тебе, себе*), а также архаичные формы дат. и п. падежей личных местоимений и возвратного местоимения.

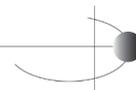
Глагольные формы в речи коренных северян особенно красноречиво свидетельствуют о интерференциальных процессах, взаимовлиянии литературного языка и диалекта. Среди них актуальны специфические глагольные формы на задненёбные **к** и **г**, в которых в отличие от литературного языка отсутствует чередование *г/ж*, *к/ч* или, наоборот, обнаруживается во всех лицах (*пекёшь, пекёт, пекём; бережёшь, бережёт, бережём; лягет; могут*).

Пёс лягет у воды и стережёт мою одежду (Макаровская Нянд., м., шк., 14 лет).

Ну дак ты детям бережёшь (Ступино Нянд., ж., с/о, 59).

Проникают в речь коренного населения древние формы инфинитива на *-ти*, которые сохраняются в словах с ударением на основе (*грызти, класти, сести, ести*) и др.

Вижу: ести хочешь (Плесецк, ж., сс/о, 32 года).

Сохраняющие функциональную активность синтаксические черты архангельских говоров не многочисленны, но они ярко окрашивают речь коренных жителей. Так, сохраняются безличные конструкции с кратким страдательным причастием на -но, -то, -нось, -тошь в роли сказуемого. Форма этих причастий, обладающих значением состояния, обусловлена предыдущим действием и передаёт значение состояния в момент речи (*налито, набрано, насажено, нашошено*):

Семнадцать лет не учёнось, много ошибок (Онега, ж., в/о, 39 лет).

У них разруганось, поэтому в гости друг к другу не ходят (Каргополь, ж., сс/о, 37 лет).

Лексические диалектизмы также широко представлены в речи коренных носителей языка, пласты актуальной лексики многообразны. Это связано с сохранением некоторых видов традиционной хозяйственной деятельности. Так, актуальность рыболовного промысла на берегах Белого моря позволила выявить сохранившиеся до настоящего времени местные названия ветров, которые отсутствуют в литературном языке. Знание поморских названий ветров необходимо коренным жителям для уточнения деталей промысла (*сиверко, межник, всток, обедник, летник, запад, побережник, хиус, шелонник*), в связи с чем диалектные лексемы включаются в литературную речь и закрепляются в узусе, передаваясь из поколения в поколение.

Вышеизложенное позволяет сделать вывод о том, что диалектные языковые единицы присутствуют в речи носителей языка разных социальных групп, дифференцированных по возрасту, гендеру, образованию. Диалект подвергается сильному влиянию со стороны литературного языка, слой носителей традиционной его формы практически отсутствует. Вместе с тем в условиях внутриязыковой интерференции высказывания носителей языка, в том числе имеющих высшее образование, пестрят диалектными языковыми единицами, которые сочетаются с литературными, несмотря на частое использование *переключения кода* в соответствие с коммуникативной ситуацией, при котором литературная речь далеко не всегда освобождается от местных диалектных черт. Причина видится в том, что носители языка в условиях интерференции литературной формы и говора (часто – их *материнского языка*) не во всех случаях могут дифференцировать единицы литературного языка и диалекта. Вместе с тем это обстоятельство создаёт условия для дальнейшего развития таких промежуточных форм языка, как *традиционный диалект, полудиалект, диалектное просторечие (просторечие провинции, северного села), городское просторечие*.

Статья может быть полезна для преподавателей русского языка вузов и средних учебных заведений, которые должны быть заинтересованы в коррекции литературной речи студентов и учащихся, а также для социолингвистов-исследователей.

Список литературы

1. Плешкова Т. Н. Языковое пространство Архангельского Севера» // Wyrz i zdanie w jenzykach slowianskich. Wroclaw, 2009.
2. Социально-экономическое положение Архангельской области в январе–марте 2010 года. Статистика // Волна. 2011. 8 мая.

Spisok literatury

1. Pleshkova T. N. Jazykovoje prostranstvo Arhangel'skogo Severa» // Wyrz i zdanie w jenzykach slowianskich. Wroclaw, 2009.
2. Social'no-jekonomicheskoe polozhenie Arhangel'skoj oblasti v janvare–marte 2010 goda. Statistika // Volna. 2011. 8 maja.

Статья поступила в редакцию 6 марта 2012 г.